





НОРА ГАЛЬ

# СЛОВО ЖИВОЕ И МЕРТВОЕ

*Искусство литературного перевода*

**ФТМ**

Москва

2 0 2 3

УДК 821.161.1  
ББК 83.07  
Г17

**Галь Н.**

Г17 Слово живое и мертвое : Искусство литературного перевода / Нора Галь. — М. : ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2023. — 371 с. — (Серия «Литература и искусство»).

ISBN 978-5-4467-3666-9

Элеонора Яковлевна Гальперина (1912–1991), более известная как Нора Галь, — талантливый советский переводчик английской и французской литературы, критик, редактор, литературовед. За годы неугомонной работы она не только подарила русскому читателю произведения А. де Сент-Экзюпери, Альбера Камю, Харпер Ли, Клиффорда Саймака, Рэя Бредбери и многих других зарубежных авторов, но и выработала принципы профессионального перевода.

Их систематическим изложением стала книга «Слово живое и мертвое» — не теряющий актуальности свод правил искусства перевода и, шире, манифест бережного обращения с родным языком. На богатейшем материале Нора Галь анализирует неудачи переводчиков, остроумно подмечает ошибки канцелярские, школярские, дамские, рассуждает о соотношении буквы и духа в произведении, литературном вкусе, гармонии и музыке слов.

Чуткость автора к мельчайшим деталям, ее собственный ясный, выразительный, точный слог позволяют по-новому вслушаться в родную речь и ощутить ее как безвозмездный, но требовательный дар.

УДК 821.161.1  
ББК 83.07

ISBN 978-5-4467-3666-9

© Нора Галь, наследники, 2023  
© Оформление.  
ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2023

# 1. БЕРЕГИСЬ КАНЦЕЛЯРИТА!

## ОТКУДА ЧТО БЕРЕТСЯ?

Молодой отец строго выговаривает четырехлетней дочке за то, что она выбежала во двор без спросу и едва не попала под машину.

— Пожалуйста, — вполне серьезно говорит он крохе, — можешь гулять, но *поставь в известность* меня или маму.

Сие не выдумка фельетониста, но подлинный, ненароком подслушанный разговор.

Или еще: бегут двое мальчишек лет по десяти — двенадцати, спешат в кино. На бегу один спрашивает:

— А билеты я тебе *вручил*?

И другой пыхтя отвечает:

— Вручил, вручил.

Это — в неофициальной, так сказать, обстановке и по неофициальному поводу. Что же удивляться, если какой-нибудь ребяенок расскажет дома родителям или тем более доложит в классе:

— *Мы ведем борьбу за повышение успеваемости...*

Бедняга, что называется, с младых ногтей приучен к канцелярским оборотам и уже не умеет сказать просто:

— Мы стараемся хорошо учиться...

Одна школьница, выступая в радиопередаче для ребят, трижды кряду повторила:

— *Мы провели большую работу.*

Ей даже в голову не пришло, что можно сказать:

— Мы хорошо поработали!

Не кто-нибудь, а учительница говорит в передаче «Взрослым о детях»:

— *В течение нескольких лет мы проявляем заботу об этом мальчике.*

И добрым, истинно «бабушкиным» голосом произносит по радио старушка пенсионерка:

— *Большую помощь мы оказываем детской площадке...*

Тоже, видно, привыкла к казенным словам. Или, может быть, ей невдомек, что для выступления по радио эта казенщина не обязательна. Хотя в быту, надо надеяться, бабушка еще не разучилась говорить попросту:

— *Мы помогаем...*

Можно, конечно, заподозрить, что тут не без вины и редактор радиовещания. Но ведь и редактор уже где-то обучен такому языку, а вернее сказать, им заражен.

Впрочем, случается и в быту... На рынке немолодая чета соображает, купить ли огурцы. Милая старушка говорит мужу:

— Я ведь почему спрашиваю, ты же сам вчера *ставил вопрос о солке огурцов...*

Детишкам показывают по телевидению говорящего попугая. Ему надо бы поздороваться со зрителями, а он вдруг «выдает»:

— Жрать хочешь?

— Что ты, Петя! Так не говорят.

А попугай опять свое...

Попугай — он и есть попугай: что слышал, то и повторяет. Ну а мы, люди? Мы сетуем: молодежь говорит неправильно, растет не очень грамотной, язык наш портится, становится бедным, канцелярским, засоренным. Но ведь ученики повторяют то, что слышат от учителей, читатели — то, чем изо дня в день питают их литераторы и издатели.

На кого же нам пенять?

Отлично придумано — по радио учить ребят правильной речи. Мол, неверно сказать: «На субботник пойдут *где-то* триста человек». Не стоит «заменять точное слово *приблизительно* неправильным *где-то*». Справедливо. Хотя еще лучше, думается, было бы не *точное* слово, а *верное* (уж очень плохо сочетается «точное» с «приблизительно»). И лучше и верней было бы, пожалуй, не длинное «приблизительно», а короткое «примерно». Но это уже мелочи. А беда в том, что следом диктор произнес ни много ни мало: «Такие замены не *способствуют пониманию вас вашими собеседниками*»!!!

Дали хороший, добрый совет, исправили одну ошибку — и тут же совершили другую, много хуже, подали пример чудовищного уродования речи. Ибо и сами эти тяжеловесные слова, и неестественный, невразумительный строй фразы — все это казенщина и уродство.

Где же, где он был, редактор передачи? Почему не поправил хотя бы уж так: Такие замены *не помогают собеседникам вас понять*?

Неужто не легче и не лучше? А тем более когда тебя слушают миллионы ребят, которых ты хочешь научить говорить правильно!

Считается несолидным в газетной статье или очерке написать, к примеру: *Мы решили больше не пытаться...*

Нет, непременно напишут: *Мы приняли решение прекратить попытки...*

Или о работе экипажа космической станции: «*Проводился забор (!) проб* выдыхаемого воздуха». Этот забор не залетел бы в космос, если бы не стеснялись сказать попросту: космонавты *брали пробы*. Но нет, несолидно!

И вот громоздятся друг на друга существительные в косвенных падежах, да все больше отглагольные:

*«Процесс развития движения за укрепление сотрудничества».*

*«Повышение уровня компетенции приводит к неустойчивости».*

*«Столь же типовым явлением является мотив мнимой матери».*

*«...блуждание в... четвертом измерении... окончательное поражение, когда подвергаешь сомнению свое... существование»!*

*«...С полным ошеломления удивлением участвовал он мгновение назад в том, что произошло...» Это не придумано! Это напечатано тиражом 300 тысяч экземпляров.*

Слышишь, видишь, читаешь такое — и хочется снова и снова бить в набат, взывать, умолять, уговаривать: Берегись канцелярита!!!

Это — самая распространенная, самая злокачественная болезнь нашей речи. Много лет назад один из самых образованных и разносторонних людей нашего века, редкостный знаток русского языка и чудодей слова Корней Иванович Чуковский заклеил ее точным, убийственным названием. Статья его так и называлась «Канцелярит» и прозвучала она поистине как SOS. Не решаюсь сказать, что то был глас вопиющего в пустыне: к счастью, есть рыцари, которые, не щадя сил, сражаются за честь Слова. Но, увы, надо смотреть правде в глаза: канцелярит не сдается, он наступает, ширится. Это окаянный и злобный недуг нашей речи. Сущий рак: разрастаются чужеродные, губительные клетки — постылые штампы, которые не несут ни мысли, ни чувства, ни на грош информации, а лишь забивают и угнетают живое, полезное ядро.

И уже не пишут просто: «Рабочие *повышают* производительность труда», а непременно: «...*принимают активное участие в борьбе за повышение* производительности труда...»...

Давно утвердился штамп: *ведут борьбу за повышение* (заметьте, не *борются*, а именно *ведут борьбу*!). Но вот метастазы канцелярита поползли дальше: *участвуют в борьбе за повышение* — и еще дальше: *принимают активное участие в борьбе за повышение...*

Таким примерам нет числа. Слишком много пустых, бессодержательных, мертвых слов. А от них становится неподвижной фраза: тяжеловесная, застойная, она прямо противоположна действию, о котором говорит, чужда борьбе, движению, содержательности, экономности. Суть ее можно выразить вдвое, втрое короче — и выйдет живей и выразительней.

Вот тут бы и вмешаться редактору, выбросить все лишнее... Нет, куда там, вдруг выйдет «несолидно»!

А чем больше длинных, казенных слов, косвенных падежей, придаточных предложений, тем, видите ли, солиднее... И уже не разберешь, что с чем связано и что для чего нужно. Да и не нужно тут больше половины! Пять длинных слов да два коротких — там, где хватило бы *одного* слова, причем — что очень важно — *одного глагола*!

Сколько бумаги понапрасну занимают лишние, мертвые слова. А сколько драгоценных радиоминут уходит на них впустую!

Нет, слова-канцеляризмы, слова-штампы не безвредны. Пустые, пустопорожние, они ничему не учат, ничего не сообщают и, уж конечно, никого не способны взволновать, взять за душу. Это словесный мусор, шелуха. И читатель, слушатель перестает воспринимать шелуху, а заодно упускает и важное, он уже не в силах докопаться до зерна, до сути. Вывеска на московской улице «*Швейно-пошивочная (?) мастерская*» на совести того, кто ее заказал, и видят ее все же немногие. Но по московской радиосети изо дня в день объявляют, что такие-то ателье обслуживают «*население*,

*проживающее»* в таких-то районах, — это уже чудовищно. Видно, невдомек «авторам», что население — это и есть те, *кто проживает*, то есть *население района*, а лучше бы просто — *жители района*.

Читают газеты, слушают радио — миллионы. Они верят: раз уж так пишет газета и вещает радио, стало быть, так можно, так правильно.

Радио сообщает: «В Ульяновске *продолжает работу* международная встреча, посвященная...»

Чуть позже сообщили правильно: «В Ульяновске *закончилась встреча...*» А в следующем же выпуске снова: «...*закончила свою работу встреча...*»

А через годик попробует иной редактор протестовать, вычеркнуть откуда-нибудь это самое «*встреча продолжает работу*», и ему возразят:

— Но ведь это вошло в язык!

Немало таких словесных уродцев уже «вошло», непоправимо «вошло» — не выгонишь! Миллионы доверчивых читателей, зрителей, слушателей назавтра подхватывают канцелярский да в придачу безграмотный оборот. И вот пошло все шире, и привилось в обиходе, и уже не поспоришь, и мало кто помнит, что это неверно. Поистине, не из гущи народной пошло, не народом-языкотворцем создано, а ввели, насадили не шибко грамотные газетчики или редакторы. В лучшем случае — нечаянно насадили, повторили и внедрили чью-то оговорку.

Люди всех возрастов и профессий, ораторы и педагоги, авторы и переводчики не только научных трудов, но — увы! — и очерков, романов, подчас даже детских книжек словно оглохли и ослепли. И вот уже не только неопытные новички, не только безграмотные, случайные полулитераторы или откровенные халтурщики, но подчас и литераторы опытные, одаренные, даже признанные корифеи